

юго-восточной Эстонии встречаются в меньшей степени, чем в среднем по Эстонии. При этом в разных районах юго-восточной Эстонии в отдельных генных частотах наблюдаются различия. На территории восточной части вырусского диалекта, например, частота гена В - 22%, гена А - 21%, в западной его части - соответственно 17 и 27%.

Группа сету, хотя и не совсем однородна, но в целом по своему генетическому комплексу отлична от других групп юго-восточной Эстонии (генетическая дистанция ($\times 10^{-5}$) между сету и остальной юго-восточной Эстонией 3858). Стандартные генетические дистанции (Nei, 1973) по 4 локусам (ABO, MN, Rh(D), PTC) между юго-восточными эстонцами и другими региональными популяциями эстонцев и соседних народов следующие ($\times 10^{-5}$):

	Юго-восточная	Юго-западная	Западная	Северная	Северо-восточная	Восточная	Сету
Юго-восточные эстонцы		86	272	266	180	744	3858
Латыши	198	283	640	545	298	254	2753
Русские	366	390	485	924	479	275	2234

Генетически наиболее близкими к юго-восточной Эстонии являются юго-западная (южная) и северо-восточная Эстония, что, в принципе, совпадает с данными соматологии и одонтологии. Из соседних народов наиболее близки к юго-восточным эстонцам латыши (суммарно). От русских Псковского поозерья юго-восточные эстонцы генетически отклоняются в восточном направлении.

По данным Ауля (1964), восточнобалтийские элементы среди эстонцев на юго-востоке несколько отличаются от аналогичных элементов на севере. Юго-восточные эстонцы, глав-

ным образом в бывшей Петсеримаа, более низкорослы, более брахикефалны, но в то же время более лептопропны. Здесь можно чаще заметить некоторые следы давнего монголоидного влияния. Последнее подтверждается и данными дерматоглифики, отчасти и одонтологии. По К.Ю.Марк (1982), восточнобалтийский тип в Эстонии в наиболее типичной форме проявляется в юго-восточной части среди сету, т.е. юго-восточная Эстония является западной частью общего ареала восточнобалтийской расы. Соматологически юго-восточные эстонцы, особенно печерские эстонцы, имеют наибольшее сходство с латгалами (Aul, 1964). Это сходство даже несколько больше, чем сходство между латгалами и видземскими латышами. Корни формирования этого сходства приходится искать уже в неолите, на основе краниологического материала племен культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Для серологического и физиологического сравнения юго-восточных эстонцев с другими народами, в том числе латгалами, необходимо располагать соответствующим материалом с соседних территорий.

А.Шевченко (Ленинград)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУР МЕДИ-БРОНЗЫ СТЕПЕЙ
И ЛЕСОСТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ
(по палеоантропологическим материалам)

В последние годы на страницах советской научной периодики развернулась дискуссия о происхождении индоевропейцев (далее и.е.), о местоположении их прародины, о времени и путях расселения. В ней участвуют в основном специалисты в области сравнительного языкознания, но не остаются в стороне от этих проблем археологи. Прародину и.е. ищут то в Средней Европе, то в Закавказье, однако все приписывают им и черты таких хорошо известных палео-

антропологам культур, как ямная, катакомбная и срубная. Известно, что палеоантропологические факты могут повысить вероятность одной из альтернативных гипотез, а факты эти свидетельствуют о следующем.

Неолитическое население степей и лесостепей Восточной Европы исключительно гиперморфно. Мало уступают ему в этом качестве также и среднестоговцы, которым приписывают решающую роль в формировании антропологического состава древнейшей общности. Близких им морфологических аналогий нет ни за Кавказом, ни в Средней Азии. Однако по сравнению с ямниками неолитические племена выглядят в антропологическом плане достаточно единообразными. Первые же представляют собой связанный воедино лишь археологически конгломерат групп различного происхождения — потомков приазовско-надпорожских, видимо, поволжских неолитических, среднестоговских (скорее всего метисных по отношению к первым двум) и позднетрипольских племен. По многим территориальным группам древнейшего населения убедительные морфологические аналогии имеются только в Средней Европе. Сравнительно узколищные популяции ямников сосредоточены на западных и южных окраинах ямного ареала. Территориальное распределение скулового диаметра обнаруживает у них географический градиент изменчивости. Он увеличивается с запада на восток со 130,0 до более чем 140,0 мм.

Характер распределения этого и многих других таксономически важных признаков определенно свидетельствует о западном происхождении значительной части древнейшего населения, а может быть, и самой древнейшей курганной культуры. Узколищные ямники Буджакской степи, как и некоторые широколищные их группы, восходят, по-видимому, к носителям культуры "окрашенных костяков" румынской Молдовы и Трансильвании. В антропологическом плане много общего с ямниками Западного Приазовья, Нижнего Дона и астраханского Поволжья имеют носители "северокавказской" культуры, среди

которых также представлены довольно узколищные группы. Однако в Предкавказье сравнительно узколищные долихокрании впервые появляются вместе с новосвободненской культурой. Морфологически они весьма близки к древнейшим и северокавказским, но восходит к другой группе населения Средней Европы, скорее всего, к культуре воронковидных кубков Польши, Швеции и т.д.

Катакомбная культурно-историческая общность тоже очень неоднородна в антропологическом отношении. Но здесь наиболее узколищные (131,0–134,0 мм) популяции локализованы, в отличие от ямников, на востоке ареала, в степном предполье Кавказа, в рамках предкавказской катакомбной культуры. Большая часть ее населения имеет убедительные морфологические аналогии только среди носителей культур шнуrowой керамики — боевого топора, однако примерно четверть их является прямыми потомками переднеазиатского по происхождению населения, близкого морфологически к куро-араксиянам. В других территориальных краниологических сериях катакомбной культуры переднеазиатского влияния не чувствуется. Среди носителей срубной археологической культуры географический градиент изменчивости скулового диаметра проявляется особенно отчетливо. Он увеличивается с запада на восток со 128,0 до 138,0 мм. Наиболее широколищные группы срубников сосредоточены на территории Башкирии, с одной стороны, и в волгоградско-астраханском Поволжье, с другой. Морфологическим субстратом тех и других, безусловно, является полтавкинское население Нижнего Поволжья. Однако башкирские срубники в значительной степени обязаны своей широколищностью абашевцам олгашинско-абашевского типа. Основной же краниологический тип срубников — резко долихокранийный, узко- и высоколищный, представленный в наиболее чистом виде в западных их группах, имеет морфологические аналогии исключительно в Средней Европе. Характер территориального распределения основных краниологических признаков у срубников свидетельствует, вопреки сложившейся в

археологическом мире точки зрения, о западном их происхождении.

Таким образом, все основные археологические культуры степной зоны Восточной Европы имеют, скорее всего, западное происхождение. Ранее неизвестные здесь краниологические комплексы впервые появляются в Восточной Европе вместе с новосвободненской и древнеямной культурами. В дальнейшем удельный вес на этой территории узколихных долихокранов значительно возрастает, достигая своего максимума в срубную эпоху. В сущности все узколихные долихокраны бронзового века южнорусских степей являются с морфологической точки зрения довольно близкими вариантами одного и того же краниологического типа, восходящего к населению Средней Европы неолитической поры. Примесь населения, относящегося к антропологическим типам ближневосточного происхождения, крайне невелика и фиксируется только в степном Предкавказье. Если индоевропейцы действительно проживали в бронзовом веке на территории Северного Причерноморья, то они ни в коем случае не могли быть выходцами из Закавказья. Новый для здешних мест узколихный, резко долихокранный краниологический тип, появившийся здесь впервые во второй половине III тысячелетия до н.э., может быть, и следует связывать с индоевропейцами. В таком случае среднеевропейское их происхождение несомненно.

Г.Чеснис (Вильнюс)

ПАЛЕОПОПУЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О ФОРМИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ БАЛТСКИХ ПЛЕМЕН И НАРОДНОСТЕЙ

Ввиду того что свойства элементарных популяций в некоторой степени определяются генетическими особенностями этноса, а эволюция популяционной системы есть процесс, имеющий память, возможен популяционно-генетический

подход к этиогенезу (Ю.Г.Рычков, Е.В.Яцук, 1980). В исследовании древних популяций для этих целей применяются дискретные признаки черепа, однако их генетика пока не раскрыта настолько, чтобы их можно было использовать в качестве генетических маркеров; следовательно, вопрос с биологическом расстоянии между популяциями решается на популяционно-генетическом уровне.

Результаты дисперсионного анализа 6I серии (свыше 6000 черепов) с территории Восточной Европы, преимущественно Прибалтики (Г.Чеснис, 1984), показали, что дискриминантную ценность имеет тем большее количество дискретных признаков, чем шире география и хронология сравниваемых палеопопуляций. Факторизация матрицы коэффициентов межгрупповой корреляции вышеуказанных серий выявила три комплекса диагностически наиболее важных признаков в регионе.

Кластеризация матрицы средних мер дивергенции (СМД), рассчитанных как по всем, так и по имеющим наибольшую дискриминантную ценность признакам, дает мозаичную картину взаимоотношений между 6I серией. Причина сказанного кроется в том, что не все исследованные серии черепов можно отнести к палеопопуляциям (часть их — выборки), а если допустить это, то с оговоркой: они скорее всего не элементарные, а весьма различного уровня. На мозаичном фоне выступают ступени лишь таких серий, которые отражают либо очень древнюю общность (балтские племена I тысячелетия н.э.), либо своеобразное происхождение (карелы и эстонцы II тысячелетия н.э.). Это указывает на необходимость определения популяционной структуры не диахронных совокупностей, а в отдельных разрезах времени.

Палеопопуляции I тысячелетия н.э. на территории Литвы демонстрируют четкую структуру: на уровне СМД 0,1 выделяются три кластера. Первый составляют люди культуры грунтовых могильников Центральной Литвы II-IV вв., жемайты V-VI вв. (Пагрибис) и население жемайтско-аукштайтского